

СКУКА ПРЕКРАСНОЙ

Осокина
Ярослава

БУРРУДЖИ

16+

Ярослава Осокина

Скука прекрасной Бурруджун

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Осокина Я.

Скука прекрасной Бурруджун / Я. Осокина — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Знакомьтесь — прекрасная госпожа Бурруджун, ее пышная свита и неизбывная скука придворной жизни... которой, впрочем, бедным дамам насладиться не удастся. Прекрасная госпожа не выносит праздности, зато очень любит загадки. При дворе часто говорят, что правитель слишком разбаловал единственную жену, но тот считает, что титул «прекрасной госпожи» Бурруджун носит недаром. Во дворце произошло событие: ограблена казна. В тот же день умер один молодой чиновник, и все решили, что он и есть преступник, который не вынес груза вины и покончил с жизнью. Лишь прекрасной госпоже Бурруджун кажется, будто истинного виновника стоит еще поискать...

© Осокина Я., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

I	6
II	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ярослава Осокина

Скука прекрасной Бурруджун

В оформлении обложки использована иллюстрация автора книги, Я. Осокиной.

I

Чуден вечерний час. Воздух свеж и напоен ароматами поздних осенних цветов, тучи, которые недавно проливали тихий дождь, неторопливо плывут по закатному небу, на севере вновь собираясь в плотный полог, предвещающий морось еще на долгое время. С тонкими печальными вскриками пролетают стремительные серебристые тиуле, торопясь до темноты попасть в свои гнезда.

– Мне скучно, – тоскливо сказала прекрасная Бурруджун, любимая и единственная жена правителя Шашатаны.

Она сидела за низким столиком на полу, положив голову на сложенные руки и нимало не заботясь о сложной прическе, страдающей от подобного обхождения. Глаза Бурруджун рассеянно оглядывали залитый прошедшим дождем сад, и потому она осталась в неведении относительно поднявшейся тихой суеты среди придворных дам за ее спиной.

Дамы живописно расположились на циновках широкой террасы, среди вышитых шелковых подушек, резных столиков и курильниц с благовониями. Одни музицировали, другие вышивали или читали, и совершенно все собирались провести этот вечер приятным и спокойным образом. Перегородки и занавеси были раздвинуты, чтобы дамы могли любоваться хрустальными каплями, собирающимися на поникших цветах и листьях в саду. Мягко горел огонь в масляных лампах, от жаровень в углу шло приятное тепло и аромат благовоний.

Бурруджун вздохнула и повернула голову, оценивающе окидывая взглядом окружающих дам. Самые слабонервные задрожали, хотя если задуматься, скука прекрасной госпожи была предсказуема. Уже второй день как они все приятно проводили время – и ничего более.

– Интересно, – задумчиво произнесла Бурруджун. – Сможем ли мы сами взрастить вот такие деревца в горшках? Было бы очень забавно любоваться на листья, когда сезон уже пройдет...

– О, госпожа, – тихо произнесла Лали-наан-Шадиш, одна из младших дам, прелестная, хотя и несколько взбалмошная девица. – Я хочу показать вам одну книгу...

Несколько дам встревоженно посмотрели на старшую, но та успокаивающе кивнула – эта книга была просмотрена ею лично и одобрена.

В прошлый раз они неудачно подсунули Бурруджун легенды горцев в изложении известного поэта, и потом целый месяц корпели над вышивкой тысячи птиц на покрывале из алого шелка, – Бурруджун пожелала проверить, действительно ли птицы оживут, если вышить их целую тысячу, ни больше ни меньше. Готовое покрывало они поднесли в дар правителю Шашатане, и оно украшало теперь его личные покои.

Птицы, разумеется, и не думали взлетать.

А потом дамы были вынуждены дюжину дней перебирать пыльные свитки и книги в дворцовом хранилище. Когда Бурруджун захотелось почитать старый список поэмы о рыбаке и лунной царевне, она обнаружила, что ее невозможно отыскать: так давно не наводили порядок. Дамы раскладывали свитки по полкам, стирали пыль и составляли описи при живейшем участии прекрасной госпожи... Ни одна из женщин не смогла бы сказать, где еще придворных дам подвергают подобным мучениям. Признаться кому – засмеют.

А тот вечер, когда Бурруджун предложила рассказывать страшные истории? Сестер Минкулум трясло до сих пор, когда они вспоминали эту жуткую ночь, и они отказывались после наступления темноты ходить по галерее между покоями.

Или вот еще было... ах, да что там. Госпожа Бурруджун была готова заняться любым делом, лишь бы ненавистная скука не владела ее сердцем. А правитель Лазоревого края милостиво прощал ей любые причуды, снисходительно посмеиваясь или же умиленно наблюдая за

ней. Кто бы мог подумать, скажете вы, что подобный ему жесткий и серьезный человек найдет отдохновение сердцу в своей молодой супруге?..

Но правитель Шашатана часто отсутствовал или бывал занят днями напролет, так что печаль госпожи Бурруджун лишь усиливалась, подпитываемая одиночеством. А поэтому слова «мне скучно», произнесенные прекрасной госпожой без всякой задней мысли, в скором времени стали повергать ее прислужниц в состояние трепета и тревожного ожидания чего-то неизбежно утомительного. Дамы и сами начали искать нечто, способное заинтересовать госпожу в очередном приступе меланхолии, но без опасных последствий для них самих, подбирая интересные истории, тихие игры вроде поочередного сложения стихов... к которым, кстати сказать, у прекрасной госпожи не было никакого таланта, диковинок со всех уголков мира и прочих подобных вещей.

– И что это за книга? – лениво поинтересовалась Бурруджун.

– Это книга загадок, – пояснила Лали-наан-Шадиш и лукаво добавила: – но, боюсь, вам не понравится. Тут написано, что это очень сложные задачи, не для всякого ума.

Она поразмыслила и, решив бить наверняка, произнесла:

– Тут еще написано, что некоторые загадки не мог решить сам мудрый Гаан-хоши-Буррут.

Девушка с удовольствием отметила вспыхнувший при упоминании знаменитого родственника взор прекрасной госпожи.

– Читай, – велела Бурруджун, выпрямляясь.

Лали-наан-Шадиш открыла книгу наугад и начала читать, в то время как одна из дам тихонько приблизилась к госпоже и стала легкими движениями поправлять сложную прическу Бурруджун, украшенную драгоценными гребнями и заколками.

*

День цветения тиресиса

*

Еще совсем недавно Бурруджун отмахнулась бы от этого, непривычная к подобным ухаживаниям. Она была всего лишь сиротой, принятой на попечение семьей друга ее отца. Росла в окружении сводных сестер, а после того, как ее названная мать почти перестала заниматься ведением дома из-за болезненной слабости, взяла на себя домашние хлопоты. Бурруджун следила за хозяйством, вникала во все мелочи, стараясь хотя бы таким образом отплатить за доброту людям, которые вырастили ее.

И когда правитель Шашатана повелел устроить смотрины, дворцовый нарочный принес приглашение и в дом наместника Гуп. Впрочем, приглашением это назвать было сложно – скорее приказом, тонко и витиевато изложенным.

Надо было послать ко двору одну из дочерей, и многие столичные придворные в ту пору были преисполнены самых радужных надежд – шутка ли, сам правитель Лазоревого края решил жениться. Правда, он не собирался брать больше одной жены, и не хотел содержать наложниц, что огорчало многих честолюбивых родителей.

Нрава, говорят, он был самого жестокого, вида грозного, женщин не особо терпел: покойная его матушка, по слухам, была очень шумная и глупая особа, праздным и громким своим образом жизни привившая сыну отвращение к возможной женитьбе... поэтому правитель Шашатана обременяться шумным женским двором не желал. С первой женой, угасшей от болезни, детей они не нажили, законный наследник был нужен, а потому на день цветения белого тиресиса объявили смотрины.

Заранее готовилось и свадебное празднество, обещающее быть роскошным и восхитительно прекрасным. В столице без усталости пересказывали друг другу, сколько драгоценной утвари было заказано у лучших мастеров, какие подарки готовились для будущей невесты и

гостей, сколько мер шелка закуплено, какие художники расписывают ширмы для украшения дворца и многие подобные мелочи.

Старшие дочери наместника Гуп к тому времени были обручены с достойными молодыми людьми, а потому на смотрины не собирались ехать. Младшая дочь разревелась в отчаянии, узнав, что ее хотят отправить во дворец.

– Он старый! – визжала эта девица без всякого уважения к правителю Шашатане. – Он совсем старый и злой! Я не хочу! Не хочу! Я пойду утоплюсь! Чем я так провинилась, что вы мне в счастье отказываете? Вы меня совсем не любите, да?..

Мать с отцом кляли увлечение дочери сентиментальными историями о вечной любви, свитки о которых были модны последнее время, но ничего поделать не могли. Она топала ногами, заикалась от слез, падала на колени и хотела было рвать на себе волосы, но не решилась испортить прическу. Ей непременно нужна была любовь, молодые прекрасные поклонники и какие-нибудь препятствия на пути к счастью, а откуда этому всему взяться в королевском дворце?

– А давайте я поеду, – предложила Бурруджун, понаблюдав некоторое время за страданиями сводной сестры. – Он все равно меня не выберет, и на следующий день, как вернусь, отпразднуем цветение тиресиса, не хуже чем во дворце.

Наместник Гуп с женой благодарно приняли ее небольшую жертву и со спокойным сердцем возложили на нее же заботы по сборам. Девушка была прекрасно воспитана, как и ее сводные сестры, имела приятную наружность, безупречные манеры, и приемные родители могли не бояться, что она чем-либо их опозорит.

Хотя сводные сестры часто пеняли ей за отсутствие тяги к изящным искусствам и огорчительное отсутствие душевной тонкости. Они неустанно пытались привлечь ее к своим занятиям по музицированию и поэзии, но все эти попытки заканчивались тем, что Бурруджун устраивалась где-нибудь в уголке с рукоделием и на все упреки отвечала лишь похвалой умению сестер. К тому же она искренне полагала, что ее возраст уже позволял забыть о замужестве и заниматься одними лишь домашними делами. Несмотря на все уговоры приемных родителей, девушка решила, что ее долг заботиться о них, в благодарность за то, что те когда-то взяли к себе сироту и вырастили ее.

Ее сводные сестры были признанные красавицы, и бедняжка просто терялась рядом с ними, не привлекая к себе внимания. Она была высоковата, хотя и хорошо сложена, с изящными маленькими руками и ступнями, густые темные волосы были предметом ее гордости, но и только. Лицо, хотя и обладало приятной соразмерностью черт, не отличалось яркостью как у старших сестер, или нежной прелестью, как у младшей.

А сестры между тем каждый день получали цветы, ларцы с безделушками и любовные письма от поклонников, были достаточно известными красавицами столицы, им посвящалось немало прекрасных стихов и вздохов юношей.

Бурруджун устраивало подобное положение дел – пока ее не трогали и давали спокойно заниматься своими делами.

*

В день смотрин, сидя на узорчатом покрывале за тонкой ширмой, она чувствовала себя неуютно и неловко. На ней было семь платьев цвета «лист-под-инеем» – приличного девице ее возраста, пальцы были унизаны кольцами, а волосы уложены в замысловатую прическу. Неуютно и скучно.

Бурруджун прибыла во дворец еще ранним утром, как это было предписано, в паланкине, в сопровождении служанок, разодетых и разукрашенных. Все приехавшие дамы разместились в отведенных для них покоях, а позже распорядительца смотрин лично познакомилась с каждой возможной невестой.

Приглашение проследовать во внутренний дворец для встречи с правителем Шашатаной было передано лишь дюжине из более чем сотни девушек. Бурруджун объясняла себе свое присутствие в этой дюжине разве что безупречной репутацией и родовитостью приемной семьи. Она знала, конечно же, что ее родной отец некогда служил при семье предыдущего правителя, но не думала, что кто-нибудь об этом помнил.

Правитель Шашатана задерживался, и дамы, изящно обмахиваясь веерами, поминутно гляделись в ручные зеркальца, чтобы проверить, все ли в порядке, и томными голосами сообщали друг другу, что вот-вот потеряют сознание от беспокойства и духоты. Каждой хотелось показать себя самой тонко чувствующей особой, и прислужницы то и дело прибегали с жевыми перьями, чтобы привести в себя обессиленных девушек.

Бурруджун с сочувствием поглядывала на них, но гонять веером душный воздух, наполненный ароматом благовоний, духов и пудры, казалось ей бессмысленным. Она разглядывала искусную роспись на стенах и думала о том, что возможно было бы исполнить нечто подобное в новом флигеле, который пристраивали к дому в этом году. Она даже чуть было не задремала, когда шорох и оживление невест подсказало ей, что развязка наконец близка.

Согласно этикету, едва повелитель Шашатана вошел, девушки, сидя на коленях, опустили головы в поклоне, скрывая лица за веерами. Шашатана в сопровождении двух советников со списками присутствующих дам двинулся вдоль ряда прекрасных, нарядно одетых девушек. «Будто на рынке, овощи какие выбирает», – вдруг сердито подумала Бурруджун и попробовала скосить глаза, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь. Но нет, с ее места пока ничего видно не было, а сидела она примерно в середине этого цветника.

Когда он остановился перед ней, Бурруджун подняла глаза, с любопытством разглядывая этого человека. Сколько она уже слышала, вплоть до историй о демонически горящих глазах или скрытых под волосами рогах, так что намеревалась из всей этой истории со смотринами вынести хотя бы что-то интересное, подробно рассмотрев правителя Лазоревого края. Уж чем-то этот день должен был запомниться, кроме давки во дворе, суеты и духоты ожидания.

...Это не говоря о том, сколько денег было потрачено на выезд, на новые наряды и украшения для нее и сопровождающих ее служанок. Бурруджун представляла, сколько вечеров дома будет посвящено обсуждению этой поездки, ибо ни одна из сводных сестер ко двору представлена не была, а потому сейчас все наверняка с нетерпением ждали ее возвращения – и ее рассказов.

«Совсем он не грозный», – подумала Бурруджун, встречая взгляд усталых глаз правителя Шашатаны. Он был высок, это несомненно, но худощав – ни намек на мощную силу, подобно его воинам, застывших у дверей зала, или изнеженную мягкость, как у его советников, которые почтительно согнувшись, зачитывали ее имя.

Его темные жесткие волосы были коротко острижены, как у воина, а цвет глаз был удивительным – зеленым, как говорят, был у его матери, заморской принцессы. И он не был стар, как пищала ее неразумная сводная сестра. Ему было едва ли тридцать пять, в то время как сама Бурруджун встречала двадцать первую весну.

Они обменялись подобающими случаю поклонами, и Шашатана опустил перед ней на подушки.

Бурруджун почему-то не могла отвести взгляд, все смотрела, будто зачарованная.

Господин Мин-Раге, один из первых помощников правителя Шашатаны, который был знаком с приемным отцом Бурруджун, едва заметно кивнул девушке и, склонившись к уху Шашатаны, что-то сказал. Шашатана снова взглянул на девушку.

– Ты дочь Джун-ар-Кугута? – мягко спросил он. – Твой отец учил меня точным наукам в детстве. Порол нещадно, надо сказать.

Она почти не помнила своего отца – была слишком мала, когда он умер.

– Надеюсь, это пошло вам на пользу, – вежливо отозвалась Бурруджун.

Шашатана весело прищурился, хотя его советники выглядели недовольными.

– Несомненно, – согласился он. Некоторое время он смотрел на нее, а она, робея, не отворачивалась, отвечая тем же.

Он отвел взгляд, вставая и перемещаясь к следующей претендентке, не кивнув, не улыбувшись – никак не отметив ее. И у Бурруджун – совершенно неожиданно для нее самой, – замерло дыхание. Он отвел взгляд, и будто сотня светильников разом погасли. Девушка опустила голову, сцепив пальцы на ручке веера. Бурруджун не слышала, как отходя от нее, правитель Лазоревого края кинул через плечо советникам: «Эта девушка». И не слышала, как формально и быстро он раскланялся с остальными возможными невестами.

«Ведь я думала, что сердце мое молчит и уже не заговорит никогда», – удивленно думала Бурруджун, прижав руку к груди, где оно заполошно и непривычно быстро билось. Как чудно и странно оборачивается порой жизнь.

*

Платье красавицы Аль-наан-Рада

*

Для Бурруджун так и осталось загадкой, почему из всех признанных красавиц он выбрал именно ее.

Впрочем, эта загадка мучила и многих придворных дам. Мона-дар-Ушшада, которой предстояло стать старшей дамой в свите будущей правительницы, про себя называла Бурруджун не иначе как «эта рыба», имея в виду ее холодность и неизменное спокойствие. Дама неустанно отмечала малейшие промахи будущей прекрасной госпожи, ее непривычку к сложным нарядам и прическам, отсутствие тонкости и изящества в некоторых повседневных делах и нелюбовь к праздному времяпрепровождению, да к тому же абсолютное неумение складывать стихи. Хотя Бурруджун музицировала довольно сносно, и также рисовала тушью, делала она это без удовольствия.

Правда, все знали, что правитель Шашатана и сам, хотя был обучен всему тому, что должен был знать любой придворный, являлся больше воином и правителем, чем тонким ценителем искусств.

Бурруджун не была воспитана придворной дамой, и ее манеры, хоть и безупречные для аристократки, никогда не выезжавшей за пределы города, во дворце многим казались грубоватыми.

Сердце Моны-дар-Ушшада точила ревность, ибо она и сама бы желала занять место правительницы Лазоревого края и принимать все почести. Девушка считала, что в драгоценном уборе она бы смотрелась гораздо лучше. Ревность довольно быстро сменилась злобой. Ей без труда удалось настроить многих дам из свиты Бурруджун против будущей госпожи, ибо последняя в силу своего характера не сразу располагала к себе, и многим показались слишком высокомерными ее неизменно вежливые манеры и ровное отношение ко всем. Поэтому зачастую Бурруджун сталкивалась с мелкими неприятностями вроде случайно пролитых чернил на ее письменном приборе, поломанных гребней, нерасторопности служанок, науськанных дамами.

Бурруджун и тут проявляла прискорбную душевную черствость. Она посылала за новыми гребнями, приказывала вычистить все следы чернил, делала выговоры служанкам, назначала им соответствующие им наказания и даже не думала плакать тайком и болеть от страданий.

Настолько Мона-дар-Ушшада возненавидела будущую госпожу, что решила на очень неприятное дело, подбив на это также некоторых дам.

*

Правитель Шашатана прислал множество подарков своей невесте, и среди них было драгоценное одеяние, принадлежавшее некогда бабушке правителя, знаменитой красавице Аль-наан-Рада. Парчовый наряд цвета закатного неба, изукрашенный жемчужными узорами и золо-

той нитью, и несколько струящихся нижних шелковых платьев молочно-белого цвета лежали на специальной подставке в комнате госпожи и ждали своего часа.

Вечером накануне свадьбы Бурруджун по какой-то надобности выходила из своих покоев, а когда вернулась, невольно ахнула, увидев, что произошло. Кровь отлила от лица, и Бурруджун оперлась о стену. Шелковые платья были разбросаны по комнате, а парчовый наряд изрезан на несколько больших кусков.

Следом за ней в комнату входила Лали-наан-Шадиш. Увидев поразительную картину, девушка вскрикнула еще громче и, позабыв о нарумяненных щеках, прижала ладони ко рту, с ужасом перевела взгляд на будущую госпожу.

Та, впрочем, уже оправилась от первого потрясения, и приказав Лали-наан-Шадиш замолчать и собрать шелковые платья, быстро закрыла изрезанный наряд ширмой.

– Собери здесь всех дам, – подождя, пока девушка соберет платья и разложит их в прежнем порядке, приказала Бурруджун. – Немедленно собери и ничего не говори. Хотя... скажи, что я хочу музыку послушать, пусть принесут инструменты.

Она вздохнула, взглянув на испуганное личико Лали-наан-Шадиш, так похожей на ее младшую сводную сестру, и мирно сказала:

– Не бойся, все будет хорошо. Я все поправлю.

*

Спустя некоторое время дамы собрались в покоях Бурруджун. Музыцировавшие дамы начали было настраивать инструменты, но будущая госпожа взмахом руки остановила их. Лали-наан-Шадиш она сказала сесть у дверей.

Сама же устроилась так, чтобы видеть их всех.

– Я собрала вас, чтобы кое-что показать, – насмешливо блестя глазами, сообщила Бурруджун. – Думаю, вам это не понравится, но постарайтесь сдержаться.

Она склонив голову внимательно изучила их, остановившись на явно возбужденной Моне-дар-Ушшада, и вздохнула. Лицо Бурруджун выглядело сочувствующим и опечаленным.

– Не хочу вас пугать, но сегодня ваши жизни висят на очень тонком волоске. Боюсь, что вы можете не пережить следующий день.

Дамы сразу прекратили обычный для них гомон и озадаченно воззрились на будущую госпожу. Бурруджун встала и отодвинула ширму, так что дамы смогли увидеть разрезанное платье. Ахи и вскрики девушка прекратила взмахом руки, нахмурившись. Она снова задвинула ширму и села на прежнее место, покойно сложив ладони на коленях.

Некоторое время она молча смотрела в пол, и эти мгновения Мона-дар-Ушшада и те дамы, что помогали ей, испытывали ни с чем не сравнимое удовольствие, известное победителям при виде унижения противника. Это чувство пропало, едва Бурруджун подняла голову и, спокойно глядя на них, заговорила.

– Те, кто сделал это, – а я знаю, кто это был, ибо подумав и вспомнив, кто и что сегодня вечером делал, можно легко вычислить виновника происшествия... Так вот, те, кто сделал это, думали, что плохо будет мне, – Бурруджун сочувственно улыбнулась. – Но, к сожалению, эти дамы ошиблись.

Она снова оглядела их, манерным жестом прижав рукав к губам. Некоторые из дам вспыхнули, поняв, что Бурруджун передразнивает их.

– Правитель Шашатана не поверит тому, что его невеста ни с того ни с сего вдруг испортила свадебный наряд. А так как он очень умен, то сразу поймет, кто мог это сделать. Как вы думаете, он будет выяснять, вы все этим занимались, или только трое? И будет ли он искать этих виновников?

Бурруджун сделала паузу, невозмутимо смотря в их искаженные ужасом лица.

– Думаю, нет, – заключила она. – Боюсь представить, что с вами всеми произойдет. Я могла бы замолвить словечко... но, наверно, не буду. Последние несколько дней все, что я слы-

шала, это были язвительные слова, а что говорить о... небольших недоразумениях, постоянно происходивших со мной... То гребень пропадет, то платье испачкано...

Она развела руками, а Мона-дар-Ушшада к своему ужасу, затряслась. Она думала, «рыбу» накажут. Вот возьмут и накажут, за ее холодное лицо и безразличные глаза, за то, что она не совершенная красавица, за то, что она не умеет вести себя как утонченная придворная дама, за то, что не она, Мона-дар-Ушшада, станет носить все эти прекрасные наряды и командовать глупыми дамами. Вообще за все. Она позволила своей ненависти ослепить себя – и теперь что? Их сошлют? Отрубят руки? Лишат всего? А эта «рыба» будет и дальше жить себе припеваючи?

Возмущенный гомон голосов, поднявшийся после слов Бурруджун, вкупе с воплями бывших поделниц, обвинявших во всем ее, Мона-дар-Ушшада не слышала, уткнувшись лицом в пол. Слезы смывали ее румяна и пудру.

Бурруджун, в очередной раз показывая отсутствие такта и тонкости чувств, сильно похлопала ладонью по полу, призывая дам к тишине.

– Любую беду можно отвести, – сурово сообщила она. – Надо только приложить свои силы и ум. Я могу помочь, если вы желаете. Но вам придется потрудиться.

Она помолчала и добавила очень серьезно:

– И еще постарайтесь более не кричать подобным образом и держите свои чувства при себе. То, что вы себе постоянно позволяете, неимоверно утомляет. Итак, вы готовы к работе?

Дамы безмолвно склонили головы, и лишь Мона-дар-Ушшада недостойным образом всхлипывала и не желала отвечать.

Бурруджун достала свою лаковую шкатулку с рукоделием, подвернула и скрепила рукава серебряными зажимами и начала раздавать указания. Вскоре все дамы были заняты: несколько музицировали, дабы не привлекать лишнего внимания других придворных, две отправились за напитками и угощением, остальных Бурруджун посадила за шитье.

Хотя многие не верили, что наряд возможно спасти, сама Бурруджун не проявляла никаких признаков беспокойства, уверенно и терпеливо разъясняя женщинам, каким образом необходимо действовать. Она научила их, как незаметно соединить куски, не забирая ткань в швы, распустила две нити своих жемчужных бус и дала их Моне-дар-Ушшада, ибо та была самая искусная вышивальщица из всех.

Всю ночь дамы, не покладая рук и сменяя друг друга, трудились над парчовым одеянием царственной красавицы Аль-наан-Рада, в кровь искололи тонкие пальцы, а их лица побледнели от усталости. Бурруджун сама доделывала последние стежки.

К рассвету наряд был готов, и лишь самый придирчивый ценитель определил бы, что с ним когда-либо происходило нечто ужасное. Новые жемчужные ветви и завитки, закрывающие места соединений, так вплелись в старый узор, будто были там изначально, и наряд казался еще краше. Дамы вздыхая и зевая, расходились по своим покоям, чтобы переодеться и быть готовыми к церемонии. Им еще предстояло одевать и причесывать будущую госпожу, и никого из них бессонная ночь не украсила, так что женщины торопились как могли. Лишь Мону-дар-Ушшада Бурруджун задержала у себя, попросив остаться.

Мона-дар-Ушшада дернула плечом, стоя у дверей.

– На что госпоже мои услуги? – дерзко ответила она, хотя голос ее едва слышен был от усталости и разочарования. – Или вы хотите меня еще больше унижить... и рассказать обо всем господину Шашатане?

– Это твой выбор, – тихо и невыразительно сказала Бурруджун, когда Мона-дар-Ушшада повернулась, чтобы выйти.

И гордая дама против своей воли остановилась. Замерла, а потом медленно вернулась и села перед будущей госпожой.

– Я слушаю вас, – глухо сказала она.

Бурруджун в это время достала еще одну шкатулку, привезенную ею из дома. Когда она открыла ее, резкий и приятный запах трав наполнил воздух. Бурруджун достала несколько склянок и чистых тряпиц, приказала Моне-дар-Ушшада вытянуть руки и стала обрабатывать кровоточащие порезы и стертости на пальцах дамы. Этой ночью Мона-дар-Ушшада работала больше всех.

Расширившимися от изумления глазами Мона-дар-Ушшада наблюдала за этим.

– Если госпожа думает так купить мое доверие, – резко произнесла она, – то это ошибка, я и не...

– Помолчи, – отозвалась Бурруджун. – Все это я и так понимаю.

Она завершила свое дело, сложила склянки обратно в шкатулку и выпрямилась, спокойно глядя в рассерженное лицо Моны-дар-Ушшада. Последняя едва ли на несколько лет была старше, изящная молодая женщина небольшого роста, с водопадом иссиня-черных волос, живым и милым лицом, искаженным сейчас злыми чувствами.

– Должна сказать, я была лучшего мнения о твоём уме, хотя и не сомневалась, что все выходки дам и неприятности, происходившие со мной тут, твоих рук дело. Но последнее было очень глупо, ты сама подвела себя и других. Я хочу дать тебе выбор: или же ты проявляешь свой ум и дальнейшие пакости строишь так, чтобы никто не мог догадаться, кто за этим стоит, или же ты покидаешь дворец. Насовсем.

Мона-дар-Ушшада приоткрыла рот, слушая эту речь. Потом неожиданно для себя расхохоталась и осеклась, испуганно прикрыв рот рукавом. Но смех уже задержать не смогла, и давилась им тихо, произнеся:

– Ах, какие же глупости вы говорите, госпожа! Любой глупец поймет, чьих рук дело будут эти, как вы назвали, пакости! После сегодняшнего, как же я смогу скрываться?!

Смахнув нечаянные слезы, она сообщила:

– Я не хочу дворец покидать. Мой отец взбесится и накажет меня, если я вернусь домой. И мне тут нравится.

Бурруджун пожала плечами, теряя интерес.

– Тогда заключим сделку. Ты будешь верно служить мне, а я промолчу о том, что было. И я уже знаю, что за наказание тебе выберу. Иди, освежись, и возвращайся быстрее. Мне нужна будет помощь со всем этим.

Бурруджун махнула рукой в сторону своих нарядов. Едва Мона-дар-Ушшада безмолвно поклонилась и, прошелестев одеждами, прошла к двери, будущая госпожа прилегла прямо на пол. Едва ее голова коснулась жесткой циновки, Бурруджун уснула.

*

После той ночи ни одной неприятности не случилось более с госпожой Бурруджун. Мона-дар-Ушшада никому не говорила, что заставило ее переменить сердце, но если она и жаловалась теперь на прекрасную госпожу, то так, чтобы та непременно слышала. Наказанием же Моне-дар-Ушшада стало расторжение помолвки с одним весьма богатым и знатным господином. Впрочем, прекрасная госпожа сказала, что сама подберет жениха своей даме, а это уж Мона-дар-Ушшада и посчитала самым настоящим наказанием.

*

Вторая загадка

*

– *Позвольте рассказать вам о встрече,* – четко произнося слова, читала Лали-наан-Шадиш, – *которая произошла в небольшом городке на базарной площади.*

– Это загадка такая? – недоуменно спросила одна из дам, отложив рукоделие. – Я думала, там должно быть что-то вроде «белый пушистый, носик с ноготок, догадайся, кто это»...

Соседка посмотрела на нее с презрением, а одна из сестер Мин-Кулум шикнула, оскорбив до глубины души.

Лали-наан-Шадиш убедилась, что все замолчали, и продолжила:

– *Пять старых товарищей встретились после долгой разлуки. Звали их Уто, Дано, Гон-сатадо, Кори и Альнан. Мы приведем несколько утверждений, которые известны о них, о уважаемый читатель, а вам нужно ответить всего на два вопроса: кто из них живет в этом городке и у кого из них есть собака.*

Лали-наан-Шадиш запнулась и с сомнением спросила, следует ли продолжать. Дамы пораженно молчали.

– Читай, читай, – нетерпеливо сказала Бурруджун.

– *Все товарищи пришли из разных мест, с севера, юга, запада и востока и лишь один был местным жителем. Каждый одет в одежду своего цвета и с собой имеет одно животное. Далее следуют утверждения... Первое – Дано одет в синее. Второе – тот, кто в черном, пришел с севера. Третье – Гон-сатадо принадлежит попугай. Четвертое – Уто пришел с юга. Пятое – тот, кто одет в белое, пришел с противоположной стороны от владельца лошади. Шестое – владелец обезьяны одет в красное. Седьмое – Гон-сатадо пришел с противоположной стороны от Дано. Восьмое – у Альнана нет обезьяны. Девятое – человек с востока одет в зеленое. Десятое – человек с запада никогда раньше не видел верблюда.*

Лали-наан-Шадиш дочитала загадку, отложила книгу и сказала, разочарованно морща носик:

– И вправду вряд ли это возможно решить...

Дамы потихоньку занялись своими делами, искоса поглядывая на госпожу. Бурруджун вновь положила голову на сложенные руки и задумалась.

– Это очень легкая задача, – вдруг сказала она. – Я знаю, кто из них живет в городе, а кто владелец собаки. В уме ее решить труднее, а если все записать, то...

Она обвела всех глазами и вздохнула.

– Подайте бумагу и тушь. В этой загадке нужно обратить внимание на все перечисленные мелочи.

Бурруджун привычным движением подвернула шелковые волны рукавов и скрепила их серебряными зажимами. Когда перед ней разложили письменные принадлежности – а одна из дам снова взялась поправлять ее прическу, стараясь быть настолько незаметной, что это бросалось в глаза еще больше, – прекрасная госпожа точными и уверенными жестами набросала на листе имена героев загадки и быстро расставила по местам все перечисленные признаки, так что спустя несколько мгновений дамы убедились, что госпожа была права.

Мона-дар-Упшада села рядом с госпожой, заглядывая ей через плечо.

– В самом деле, – признала она, – это довольно просто. Но, госпожа, сколько уже раз я вам указывала на то, как вы пишете? Это не подобает женщине, ее почерк должен быть более изящный и ровный. К тому же, что за спешка? Движения рук должны быть медленными. Напишите «Только тот, кто трудится, уважаем людьми» три дюжины раз.

– О нет, Мона, – взмолилась Бурруджун. – Неужели это сейчас необходимо?

– Да, – сурово отозвалась старшая дама. – Пишите, а я буду наблюдать. Впрочем, загадки можно продолжать читать, – милостиво позволила она.

Лали-наан-Шадиш сочувственно покосилась на госпожу и перелистнула несколько страниц назад, надеясь, что наткнется на что-нибудь попроще.

– О, тут и с картинками есть, – оживленно воскликнула она.

*

Наступления ночи никто не заметил, прислужницы тихо меняли прогоравшие светильники, не беспокоя увлеченных дам, и, когда в покоях появился дворцовый распорядитель, чтобы объявить о приходе правителя Шашатаны, дамы не сразу обратили на него внимание.

Музыкальные инструменты были забыты, столики завалены бумагой, испещренной странными чертежами и знаками, дамы, сдвинув головы, изучали очередную загадку, споря о чем-то. Мона-дар-Ушшада, временами приструнивая разошедшихся дам, сидела подле прекрасной госпожи, орлиным взором приглядывая за ней. Сама Бурруджун, выпрямившись со стоическим выражением лица, исписывала третий по счету лист бумаги.

Правитель Шашатана некоторое время наблюдал за Бурруджун с обычной нежной улыбкой, а она, почувствовав его взгляд, повернулась и просияла.

Книга, бумаги и письменные принадлежности были убраны, дамы снова взялись за музыкальные инструменты, а служанки принесли чай и различные яства, так что остаток вечера прошел так, как все и мечтали в самом начале.

Правда, некоторые дамы вполголоса продолжали что-то обсуждать время от времени, а сестрицы Мин-Кулум даже успели поспорить, выкладывая из орешков замысловатые фигуры на столике. Но супруги не обращали на это никакого внимания, занятые друг другом: правитель Шашатана вполголоса рассказывал Бурруджун историю, услышанную им в последнем путешествии. Он расположился полулежа у ее коленей, наслаждаясь покоем, а его прекрасная супруга, мягко улыбаясь, изредка проводила рукой по его волосам, каждый раз бросая осторожный взгляд на окружающих, стесняясь своей нежности.

II

*

Недостойное поведение и его последствия

*

Крытую галерею вокруг дома заливало ясное осеннее солнце. Утреннее, прозрачное и щемяще глубокое небо виднелось через резную листву акантового дерева, склонившегося над домом. Мощные узловатые ветви нависали над галереей, создавая кружевную тень и сплетаясь с тонкими изящными кронами цидий с их стрелчатými листьями, уже окрашенными в золото.

Сестры Мин-Кулум, которым было велено передать кое-какие распоряжения прекрасной госпожи, задержались в галерее, болтая с двумя придворными из свиты правителя Шашатаны. Юноши недавно вернулись из военного похода, но тем не менее не утратили придворного лоска и утонченными выражениями сравнивали красоту девушек с природой края, где недавно побывали, а также рассказывали презабавные истории о чудных жителях тех мест.

Беседа была очень приятной, утренняя прохлада так бодряща, что собеседники не спешили расходиться, хотя разговор уже затягивался сверх приличий. Сестры, прикрывая лица веерами, тихонько смеялись или ахали в самых интересных местах, как вдруг Ане-мин-Кулум, которая стыдливо не поднимала глаза на лицо юноши, стоящего перед ней, а разглядывала узор родового знака, вышитый на его плече, ахнула.

– Так вот оно как! Я поняла, наконец...

Сестра нахмурилась, глядя на нее поверх веера. Ее тонкие брови, изящно подчеркнутые углем, слегка поднялись вверх, не одобряя такого неприлично громкого возгласа. Ане не обратила на это предупреждение никакого внимания:

– Так та загадка с палочками, помнишь? Там, где надо было сдвинуть всего одну, чтобы получить другую фигуру, – торжествуя произнесла она. – Я поняла! Вот, смотри...

Она быстрыми шажками спустилась с галереи на землю и рядом с выступившим из-под земли горбом корня акантового дерева, в пыли прочертила несколько линий носком изящно вышитой туфельки. Ране-мин-Кулум рассерженно зашипела на нее, призывая вернуться и не позориться, добавив, что к тому же решение вовсе не верное. Ане возразила, еще раз начертив фигуру в пыли, Ране раздраженно фыркнула и спустилась к сестре, чтобы показать, где она видит ошибку, и через несколько мгновений они уже воодушевленно спорили, считается ли подобный ход разгадкой. Их собеседники, столь неожиданно оставленные без внимания, потребовали объяснить, в чем суть задачи, и вскоре дорожка рядом с галереей покрылась причудливыми фигурами, а молодые люди увлеченно переговаривались, склонившись над ними.

Ко всеобщему сожалению, их отыскал слуга и передал распоряжение правителя Шашатаны, которое юноши отправились исполнять, полные досады. Они обменялись тысячей любезностей на прощание и пообещали прислать свое решение, буде оно появится.

На обратной дороге Ране-мин-Кулум всячески распекала младшую сестру за неподобающее поведение, та лишь сердито отвечала, что вреда никому не было, да и не видел никто. И словно бы назло, навстречу им попался господин Иш-Саронна, человек хоть и молодой, но крайне благочестивый. Он служил при казначействе, и всем своим видом являл образец для подражания: от безукоризненно сидящего скромного платья до идеально ровного узла волос, спрятанного под черную шапочку. Казалось, будто бы даже брызги туши, извечный враг чистой одежды служащего, избегали попадать на него.

Девушки учтиво поклонились, прикрывая лица веерами, и собирались было следовать дальше, но господин Иш-Саронна остановил их движением руки.

Лицо его не предвещало ничего хорошего.

– Дамам из свиты прекрасной госпожи Бурруджун, – начал он крайне недовольным голосом, – не пристало позорить себя подобным поведением. Я поражен безнравственностью и безоглядностью вашего поступка.

Он высокомерно оглядел их.

– Я сегодня же отошлю письмо старшей даме с описанием этого события, и если вы будете замечены в подобном же, снисхождения к вам не будет. Весьма огорчен.

Раране-мин-Кулум глубоко поклонилась.

– Мы благодарны за урок, господин Иш-Саронна, – стиснув зубы, произнесла она. – Такой кладезь благочестия и мудрости нечасто встретишь в наши дни...

Она бросила косой взгляд на сестру, и та последовала ее примеру, склонившись так же почтительно.

Господин Иш-Саронна едва кивнул, прощаясь, и стремительно удалился.

Проводив его взглядом, Раране-мин-Кулум упавшим голосом произнесла:

– Госпожа Мона-дар-Ушшада будет в ярости.

– Да, – отозвалась ее более легкомысленная сестра. – Опять будет бесконечно наставлять и рассказывать о чести дам из свиты прекрасной госпожи.

*

Впрочем, и эта встреча, и утренняя беседа, и даже книга с загадками вскоре были забыты. Дворец бурлил, придворные шептались по углам, забросив привычные занятия. По слухам, весьма достоверным, как утверждали те, кто их распространял, из казны были украдены несколько очень ценных и древних свитков, а также хранившиеся там украшения бабки правителя, незабвенной красавицы Аль-наан-Рада.

Дамы не переставая обсуждали и похищение, и драгоценности, которые воистину были прекрасны. Диадему и гребни нынешняя прекрасная госпожа надевала на свадебную церемонию.

Пыльные свитки их не очень интересовали, за что Бурруджун не преминула им попенять. В тех свитках были написанные рукой самого Арудаину, прадеда Шашатаны, хроники десятилетней войны с королевством Ишун, а так же история восстановления Лазоревого края после этой опустошительной и горькой войны. Второй свиток содержал древнейший список поэмы о небесной фее и огненном драконе, основателях Лазоревого края. Дамы помолчали немного, из уважения к прадеду, а потом вернулись к драгоценностям, незаметно перескочив на саму красавицу Аль-наан-Рада.

– Муж ее очень любил, – доверительно сказала Гу-иш-Равата, чьи предки спокон веку служили при дворе, храня в семье тайные и стыдные истории из жизни придворных и правителей. – Любил так, что не отпускал никуда, даже на поклонение святыням в дни больших праздников. Она была заперта во внутреннем дворце, и видеть ее лицо могли только две служанки, остальным разрешено было приближаться только к дверям покоев.

Гу-иш-Равата была круглолицей, пышной, яркоглазой женщиной средних лет, которая невероятно, искренне любила сплетни. Глаза ее сладко блестели, голос понижался и напоминал мурлыканье кошки, когда она вела разговоры на излюбленную тему. Дама никогда не искала выгоды в слухах и кривотолках, так что прекрасная госпожа прощала ей это не вполне невинное увлечение, приносившее, впрочем, немало захватывающих тем для бесед в кругу дам.

– Должно быть, это было невероятно тоскливо, – невнятно пробормотала Бурруджун.

В зубах у нее была зажата нить: она была занята шитьем. Мона-дар-Ушшада весьма неодобрительно посматривала на это занятие, но перечить не смела. Она теперь тонко понимала границу дозволенного ей вмешательства. Хотя и считала, что вышивание – единственно подобающее занятие для госпожи, и страдала в душе, видя как та шьет своими руками маленькие рубашечки и платья в подарок недавно появившимся племянникам. Единственное, что

примирияло старшую даму с этим, так это то, что вещицы были достаточно изысканны и прелестны.

– А может, она была не так уж красива? – простодушно спросила младшая Мин-Кулум. – Раз ее прятали.

– Вот еще глупости! – возмутилась Шиане-дар-Асана, дама весьма в возрасте, прислуживавшая еще матушке правителя и в юности слывшая красавицей.

В те далекие времена ее нередко сравнивали с незабвенной Аль-наан-Рада, так что даму очень задело предположение младшей Мин-Кулум.

– Если бы у нее были какие-либо... изъяны... то стали бы ее воспевать в многочисленных поэмах? Стал бы правитель так убиваться после ее смерти? – горячо встала на защиту любимой героини и юная Лали-наан-Шадиш.

– Не говоря о том, что у нее было несколько любовников, которых никак не могли поймать, – добавила Гу-иш-Равата, которая терпеть не могла, когда прерывали, уходя в сторону от рассказываемой истории. – Там подземных ходов было во внутреннем дворце неисчислимо. А самый тайный так и не нашли, господин Гуран-иш-Саронна, тогдашний дворцовый распорядитель, приказал умертвить его строителей, и сам молчал о нем до самой смерти. Ходил к прекрасной Аль-наан-Рада в ночи накануне новолуния, и, говорят, был ревнивее, чем сам правитель. По слухам, он убил молодого господина Сина-Хатун, застав его читающим поэму под окнами покоев прекрасной Аль-наан-Рада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.